

JĘZYKOZNAWSTWO.
PRZEKŁADOZNAWSTWO*Michał Fiedosiuk*

Lomonosow Moscow State University

**НА ЛОШАДИ ИЛИ НА КОНЕ
СИДИТ МЕДНЫЙ ВСАДНИК?
(О ВКЛАДЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ РОДА В ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)****Na loshadi ili na kone sidit Mednyy vsadnik?
(On the Contribution of Grammatical Category of Gender
to the Lexical Meanings of Nouns)**

ABSTRACT: The article shows that during the forming of grammatical category of gender in Indo-European languages, names of non-living objects and names of those animals whose sex is unimportant for humans were receiving grammatical meanings of gender on the basis of similarity or dissimilarity of designated objects with males or females. Such grammatical metaphors were based on the ideas of different peoples about some minor characteristics of persons of different sex, such as the difference between men and women with higher activity, greater size, strength and independence. By now, the metaphorical motivation of category of gender in the Russian language has survived only in certain nouns. These nouns are interrogative pronouns *кто* (masc.) ‘who’ and *что* (neut.) ‘what’, paired nouns-synonyms, e. g. *конь* (masc.) ‘strong horse’ – *лошадь* (fem.) ‘ordinary horse’, generic versions of nouns, e. g. *ворон* (masc.) ‘raven’ – *ворона* (fem.) ‘crow’, and nouns-occasionalisms used in speech oriented to expressiveness and creativity.

KEYWORDS: agreement classes, grammatical category of gender, lexical meaning, inner form, metaphor

Как отмечают грамматические описания русского языка,

категория рода имен существительных – несловоизменяемая морфологическая категория, представленная как противопоставление трех классов слов – мужского (*брат, дом*), женского (*жена, книга*) и среднего рода (*окно, существо*); каждый из этих классов характеризуется своими особенностями склонения, согласования, а в большинстве одушевленных существительных – также способностью обозначать принадлежность к биологическому полу¹.

С семантической точки зрения категория рода связана со способностью существительных обозначать живое существо мужского пола (муж. р.), живое существо женского пола (жен. р.) либо с неспособностью указывать на пол живого существа (сред. р.). Однако эта способность обозначать лиц непосредственно проявляется только у названий лиц и частично у названий животных. Названия неодушевленных предметов (частично – и названия животных) приобретают такую способность только в определенных стилистических условиях – при образно-поэтическом переосмыслении (...) ².

Существующая в русском и других славянских языках грамматическая категория рода представляет собой явление, которое с точки зрения общей морфологии принято именовать согласовательными классами. Суть данного явления состоит в том, что

все множество лексем некоторого класса разбивается на непересекающиеся группы, такие, что элементы одной группы требуют одинакового оформления согласуемых словоформ (разумеется, при условии совпадении всех прочих грамматических характеристик у контролеров). Так, в русском языке существительные *стена* и *дверь* будут принадлежать к одной группе (ср. *эт-ой стене / двери*), а существительные *стена* и *старшина* – к разным (ср. *эт-ой стене* vs. *эт-ому старшине*). Та грамматическая категория, граммемы которой определяют указанное разбиение, и называется *согласовательным классом*; в языке столько граммем согласовательного класса, сколько в нем таких различных групп. У категории согласовательного класса только одна формальная “задача”: обеспечить различие в согласовательном поведении между несколькими крупными группами лексем данного языка (...) ³.

¹ Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин (ред.), *Краткая русская грамматика*, Москва 1989, с. 149.

² Там же, с. 150; см. также В.В. Виноградов, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва 1972, с. 55–78; Н.Ю. Шведова (ред.), *Русская грамматика*, Москва 1980, т. 1, с. 465–471.

³ В.А. Плунгян, *Общая морфология: Введение в проблематику*, Москва 2016, с. 146–147; см. также А.А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, Москва 1967, с. 66–75.

Как показывает В. Плунгян, в разных языках

классные системы используют целый ряд семантических признаков; наиболее распространенными из них являются “личность” (т. е. противопоставление людей всем прочим объектам) и “одушевленность” (т. е. противопоставление живых существ всем прочим объектам). Помимо этого, могут иметь значение такие признаки, как, например, “артефактность” (т. е. вещь, сделанная человеком, в отличие от природного объекта), а также размер и форма объекта (во многих языках Тропической Африки существует тенденция грамматически обособлять названия длинных объектов типа палок или конечностей человека; названия круглых и / или гибких объектов типа веревок, стеблей растений, волос, браслетов; названия жидкостей и других веществ; наконец, названия крупных и мелких объектов; для некоторых языков Австралии типично деление объектов на съедобные и несъедобные и т. п.). Но практически любая классная система выделяет в особый класс прежде всего названия людей (“разумных существ”) и / или живых существ⁴.

На фоне, как представляется, достаточно простой для понимания классной системы языков Тропической Африки (даже не зная этих языков, несложно определить, наименования каких объектов должны принадлежать к классу названий длинных предметов, гибких предметов или, например, жидкостей) система родовых классов славянских языков представляется загадочной. Как пишет А. Исаченко,

с точки зрения современного языка нельзя объяснить, почему напр., *глаз* – мужского рода, а *о́ко* – среднего; почему *пшени́ца* и *рожь* – женского, *овёс* и *ячмёнь* – мужского, а *прёсо* и *жѣто* среднего рода. С точки зрения современного языка грамматический род существительных, не обозначающих живые существа, лишён какого-либо конкретного содержания: это чисто формальный разряд, немотивированный языковым мышлением⁵.

Во многих случаях немотивированность грамматической категории рода при обозначении неживых объектов кладется в основу той разновидности языковой игры, которую принято квалифицировать как факты балагурства – явления, «не связанного с передачей содержания речи, уходящего корнями в явления народной смеховой культуры, когда смешно все грубое, низкое, не-

⁴ В.А. Плунгян, указ. соч., с. 153.

⁵ А.В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология*, Москва 2003, с. 51.

обычное, перевернутое (“изнаночное”)⁶. Вот несколько примеров из книги, посвященной языковой игре, которые, судя по всему, можно квалифицировать как балагурство: «— Да, она развела там *борделю!* – все более возбуждался молодой человек» (Е. Попов, *Горы*); «Значит, диета простая – берете один кокосовый орех, один *фисташк* и один *оливк!* И так тридцать дней!» (А. Арканов, Г. Горин, *Грабеж*); «...Вот мой арбуз, он теперь ваш. Бесплатно! – ...Ваше *арбузо*, между прочим, треснутое, а свой я даже брать не хочу...» (В. Леви, *Искусство быть другим*)⁷.

Ясно, – пишет о таких случаях Б.Ю. Норман, – что подобные отклонения – не только речевое озорство и развлечение, но и определенное “заигрывание” с собеседником. Психологически эти умышленные неправильности нацелены на укрепление отношений (в семье, дружеской компании и т. п.) и подразумевают (...) некоторый минимум социальной и духовной общности (“мы хорошо понимаем друг друга и можем себе позволить чуть больше, чем положено...”)⁸.

С другой стороны, детально описано в литературе и мотивированное использование категории рода при образно-поэтическом переосмыслении слов. Как отмечают исследователи,

(...) в условиях образно-поэтического употребления неодушевленных существительных (при олицетворении) предмет, обозначаемый существительным жен. р., может переосмысляться как существо женского пола, а предмет, обозначаемый существительным муж. р., – как существо мужского пола: *Зеленокосая, в юбчонке белой, Стоит берега над прудом* (Есенин); ср. также *рябина* и *дуб* (в народной песне «Что стоишь, качаясь, Тонкая рябина...»), *утес* и *тучка* (в стихотворении Лермонтова *Утес*), *зима* и *весна* (в стихотворении Тютчева *Зима недаром злится...*); *Дед Мороз*, *бабушка Метелица* (персонажи народной сказки); *Россия* и *Русь* (в поэзии, например у Блока, нередко олицетворяемые в образе женщины) и т. п.⁹

Представляется, однако, что сфера семантически нагруженного использования грамматической категории рода гораздо шире и разнообразнее, чем это было описано выше. Для того чтобы подвергнуть анализу различные случаи

⁶ Е.А. Земская (ред.), *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*, Москва 1983, с. 175.

⁷ Б.Ю. Норман, *Игра на гранях языка*, Москва 2006, с. 44–45.

⁸ Б.Ю. Норман, Указ. соч., с. 46.

⁹ Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин, Указ. соч., с. 153; ср. В.В. Виноградов, Указ. соч., с. 60–62; Б.Ю. Норман, Указ. соч., с. 48–49; О.Л. Богатырева, *Креативный потенциал категории рода в современном русском языке*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва 2008.

такого использования, начнем наше рассмотрение с вопроса об истории грамматической категории рода. Как показывают сравнительно-исторические исследования,

в древнейшем индоевропейском (общеиндоевропейском) языке отчетливо прослеживаются две родовые системы: 1) различие “одушевленного-неодушевленного” рода и 2) различие “мужского-женского-среднего” рода. Эти системы не лежат в одном плане и принадлежат по происхождению разным историческим эпохам. Древнейшей из них является система “одушевленный-неодушевленный род”, за которой при глубокой исторической реконструкции вырисовывается еще более древнее противопоставление “активного” и “неактивного” начал¹⁰.

В дальнейшем в рамках прежнего одушевленного рода возникает противопоставление мужского и женского родов, а старый неодушевленный род приобретает значение среднего рода¹¹. При этом, как убедительно показывает Ю. Степанов,

основанием номинации в грамматике служит сравнение внешнего мира с человеком, отождествление одних («активных») предметов с человеком и отрицание этого тождества за другими («неактивными») предметами. Мы видим, что в основе классифицирующей абстракции лежит метафора – уподобление предметов человеку, который в этом случае выступает не как “отдельное Я”, а как представитель человеческого рода – активное, действующее в мире и преобразующее мир существо¹².

Очевидно, что сравнение окружающего мира с человеком стало основой не только для противопоставления древних одушевленного и неодушевленного родов, но и для сформировавшейся позднее оппозиции «мужской-женский-средний род». Понятно, что по вполне естественным причинам к категориям мужского и женского рода стали относиться наименования мужчин и женщин, а также таких животных, биологический пол которых был важен для человека. Однако одновременно к мужскому, женскому или среднему родам были отнесены, во-первых, обозначения неживых объектов, а во-вторых, названия таких животных, как *бобр* или *выдра*, биологический пол которых для носителей языка не имел значения. Единственным основанием для такого отнесения

¹⁰ Ю.С. Степанов, *Основы общего языкознания*, Москва 1975, с. 127.

¹¹ А. Мейе, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, Москва 2009; Ю.С. Степанов, Указ. соч.

¹² Ю.С. Степанов, Указ. соч., с. 130; разрядка принадлежит автору цитируемого текста.

можно считать метафорический перенос – либо обнаружение сходства обозначаемых предметов с лицами мужского или женского пола (в этом случае наименования приобретали грамматические значения соответствующего рода), либо полное отсутствие подобного сходства (тогда выбирался средний род).

Однако какие свойства мужчин и женщин могли в подобных ситуациях служить основанием для метафорического переноса? Совершенно очевидно, что не способность или неспособность к деторождению, а некоторые второстепенные присущие мужчинам или женщинам качества. В одних случаях в основу метафорического переноса могло быть положено такое свойство лиц мужского пола, как их относительно большая активность, в других – относительно большие размеры, в третьих – большая сила и, наконец, в четвертых – большая самостоятельность.

По данным О. Есперсена, похожая мотивировка грамматической категории рода наблюдается в семито-хамитских языках. Как пишет Есперсен,

в хамитских языках мы находим деление на два класса, из которых один включает обозначения лиц, больших и важных предметов и существ мужского пола, а другой – обозначение вещей, малых предметов и существ женского пола; при этом в некоторых языках находим любопытное правило, согласно которому слова первого класса во множественном числе принадлежат ко второму классу и наоборот. При помощи одних и тех же префиксов „мужчина“ превращается в „маленького мужчину“, „брат“ – в „сестру“, а „пес“ – в „суку“ или „щенка“; в бедуинских языках слово *ando* „экскременты“ принадлежит к мужскому роду, когда идет речь о лошади, воле или верблюде, но к женскому, если имеются в виду более мелкие животные. Грудь женщины мужского рода, а грудь мужчины, меньшая по величине, – женского¹³.

При образовании слов содержательные признаки, закрепленные за грамматическим значением присущего им рода, становились компонентом внутренней формы данного слова, т. е. такого комплекса содержательных признаков, который мотивирует лексическое значение этого слова (напомним, что, по определению А. Потебни, внутренняя форма «показывает, как представляется человеку его собственная мысль»¹⁴). Как и любой внутренней форме, метафорическому обозначению наличия или отсутствия сходства обозначаемого предмета с лицами мужского или женского пола присущи две важных особенности. Во-первых, поскольку внутренние формы обусловлены особенностями культуры каждого из народов, внутренние формы слов разных языков

¹³ О. Есперсен, *Философия грамматики*, Москва 2002, с. 264–265.

¹⁴ А.А. Потебня, *Мысль и язык*, Киев 1993, с. 74.

с одинаковыми лексическими значениями очень часто не совпадают. И второе: с течением времени внутренние формы имеют тенденцию утрачиваться. Именно поэтому, с одной стороны, слова, которые в разных языках обозначают одни и те же предметы, могут иметь разные грамматические значения рода, а с другой – несмотря на многочисленные усилия ученых¹⁵, мы редко можем объяснить, почему тематически близкие существительные одного и того же языка (такие, например, как *дрозд* и *иволга*) относятся к разным грамматическим родам.

В то же время в современном русском языке имеется несколько групп слов, лексические значения которых очевидным образом мотивированы грамматическим родом этих слов. Рассмотрим эти группы.

1. Вопросительные местоимения *кто, что* и их дериваты

Известно, что, не называя никакого определенного предмета, местоимение *кто*, которое «обозначает вопрос: какой человек?, какое существо?»¹⁶, а также родственные ему местоимения *кое-кто, кто-либо, кто-нибудь* и *кто-то* принадлежат к грамматической категории мужского рода. Одновременно местоимение *что*, «которое обозначает вопрос определителе, явлении, признаке и т. п.»¹⁷, а также местоимения *кое-что, что-либо, что-нибудь, что-то* относятся к среднему роду. Можно утверждать, что принадлежность упомянутых местоимений соответственно к мужскому и среднему роду мотивирована: грамматическое значение мужского рода вносит в лексическое значение местоимения *кто* указание на активность обозначаемого предмета, его принадлежность к категории лиц, а средний род местоимения *что* несет информацию об отсутствии у обозначаемых объекта или ситуации признака активности.

2. Парные по роду существительные-синонимы

В некоторых случаях, когда компонентами лексической системы русского языка по причинам исторического характера оказываются синонимы, имеющие разные грамматические значения рода, существительные мужского рода

¹⁵ Ср. О.С. Савельева, *Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Челябинск 2006; В.Н. Струсов, *Мотивированность и функции грамматического рода в разносистемных языках*, Автореф. дис. ... докт. филол. наук, Пятигорск 2006.

¹⁶ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка*, Москва 1981–1984, т. 2, с. 143.

¹⁷ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка...*, т. 4, с. 685.

отличаются от существительных женского рода семантическими компонентами ‘большие размеры’, ‘активность’, ‘сила’ или ‘самостоятельность’.

Подобными синонимами в русском языке являются, прежде всего, существительные *собака* и *пес*. «Слово **пес**, – отмечает *Словарь синонимов русского языка*, – употр. преимущ. по отношению к большой собаке <...>»¹⁸.

Другая синонимическая пара – это слова *лошадь* и *конь*, семантические различия между которыми в Словаре синонимов определены так: «**Лошадь / конь**. Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п. **Лошадь** – наиболее общее название этого животного; слово **конь** употр. обычно в тех случаях, когда говорится о верховой, нерабочей лошади, о лошади быстрой, сильной, горячей и т. п., особенно в поэтической, в приподнятой речи, в фольклоре, а также употр. в специальной речи военных, коннозаводчиков для обозначения самца лошади»¹⁹. Понятно, что, описывая Медный всадник – знаменитый Санкт-Петербургский памятник Петру I работы скульптора Фальконе, было бы грубой ошибкой сказать: «Петр I сидит на лошади». Разумеется, Медный всадник сидит на коне!

3. Родовые варианты имен существительных

Известно, что «некоторые имена существительные употребляются в современном русском литературном языке и в форме мужского, и в форме женского рода. Достаточно часто параллельные формы не связаны со смысловыми или стилистическими различиями и выступают как равноправные, однако немало случаев, когда одна из параллельных форм более употребительна в одном из указанных родов»²⁰. В то же время если родовые варианты существительных различаются по значениям, то наблюдается уже отмеченная нами закономерность: как правило, существительные мужского рода отличаются от парных им существительных женского рода семантическими компонентами ‘активность’, ‘большие размеры’, ‘сила’ или ‘самостоятельность’.

Приведем примеры, в которых существительные мужского рода отличаются от существительных женского рода семей ‘большие размеры’:

¹⁸ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь синонимов русского языка*, Ленинград 1971, т. 2, с. 451; здесь и в последующих выписках из словарей разрядка моя. – М.Ф.

¹⁹ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь синонимов русского языка...*, т. 1, с. 517.

²⁰ Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова, *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*, Москва 1998, с. 196; ср. Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская, *Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*, Москва 1976, с. 65–75.

Козá. 1. 'Домашнее рогатое жвачное животное сем. полорогих, дающее молоко, шерсть, мясо; самка козла' – *Козёл*. 2. 'Род парнокопытных млекопитающих сем. полорогих, обитающих гл. образом в горах'²¹. Понятно, что горные козлы заметно отличаются от домашних коз своими большими размерами.

Вóрон. 'Крупная птица с блестящим черным оперением, гнездящаяся обычно в уединенных местах' – *Ворóна*. 1. Птица с черным или серым оперением, родственная ворону'²². По данным энциклопедических словарей, ворон значительно крупнее вороны: длина тела ворона достигает 65 см, тогда как длина вороны не превышает 56 см²³.

Полóк. 1. 'В русской бане в парной: возвышение, широкая полка, на к-рой парятся'²⁴ – *Пóлка*¹. 1. Приделанная к стене, вделанная в стену или шкаф горизонтальная доска, плоскость из твёрдого материала для различных предметов²⁵.

Зáнавес. 'Б о л ь ш о е полотнище (обычно из тяжелой ткани), завешивающее или отгораживающее что-л.' – *Зáнавьес*. 1. 'То же, что занавеска'²⁶.

Зал – 'Об ш и р н о е помещение, предназначенное для многолюдных собраний' – *Зáла* (редко) – 'Гостиная, комната, предназначенная для приема гостей'²⁷.

Змея – 'Сказочное чудовище' – *Змея* – 'Пресмыкающееся'²⁸.

Другая группа примеров иллюстрирует противопоставление существительных мужского и женского рода по признакам 'самостоятельность' / 'несамостоятельность'. Здесь существительные мужского рода именуют предметы, т. е. сущности, которые обладают самостоятельностью, а существительные женского рода – пропозиции, т. е. явления, самостоятельностью не обладающие²⁹:

Выводок – 'О детенышах, выведенных одной самкой и держащихся вместе' – *Выводка* – '1) животных для их осмотра', '2) удаление, уничтожение пятен, грязи и т. п.'

Выкормок – 'Воспитанник, вскормленный кем-либо' – *Выкормка* – 'Забота о чем-либо питании, кормление до известного возраста'.

²¹ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка...*, т. 2, с. 68.

²² Ibidem, т. 1, с. 212.

²³ *Советский энциклопедический словарь*, Москва 1980, с. 248.

²⁴ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1995, с. 546.

²⁵ Ibidem, с. 544.

²⁶ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка...*, т. 1, с. 549.

²⁷ Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская, *Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*, Москва 1976, с. 67.

²⁸ Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская, указ. соч., с. 67.

²⁹ Все приводимые ниже примеры – из работы Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская, указ. соч., с. 67.

Выплавок (металлург.) – ‘Кусок металла, выплавленный из руды’ – *Выплавка* ‘выплавливание металла’.

Вырубок – ‘Срубленный, но еще не расчищенный лес’ – *Вырубка* – ‘Вырубание’.

4. Экспрессивное использование категории рода в речи

Вполне естественно, что морфологическая категория рода используется для мотивировки значений слов не только в системе языка, но и окказионально, в тех разновидностях речи, которые ориентированы на выразительность и креативность. Для выражения добавочных смысловых оттенков ‘активность’, ‘большие размеры’, ‘сила’ и ‘самостоятельность’ литературное существительное женского рода может заменяться окказионализмом мужского рода, а для указания на отсутствие только что упомянутых признаков вместо слова мужского рода может быть употреблен окказионализм женского рода.

Широко известен пример подобного окказионального словообразования из повести В. Рапутина *Прощание с Матёрой*:

Ближе леса и левей от дороги огорожена была с двух сторон поскотина, оставив стороны к своей Ангаре и деревне открытыми, – там бродили коровы, и тонко брэнчало, как булькало, на шее одной из них ботало. Там же, как царь-дерево, громоздилась могучая, в три обхвата, вековая лиственница (*листвень* – на “он” знали ее старики), с прямо оттопыренными тоже могучими ветками и отсеченной в грозу верхушкой.

Для любого носителя русского языка окказиональное обозначение одиноко стоящей громадной лиственницы существительным мужского рода *листвень* вполне естественно.

Приведем еще несколько примеров, зафиксированных исследователями:

Машин *симпатичный* (из письма В. Маяковского). «Грамматическая транспозиция (*машина* → *машин*), — комментирует этот пример Е. Ремчукова, — мотивирована логикой смещения в сторону мужского рода, который в большей степени соответствует такой “мужественной” вещи (автомобили в это время еще были редкостью <...>»³⁰.

Жил день в гостинице, а потом переехал в Полпредство... от других полпредств отличается чрезвычайной малолюдностью. 4 человека (после отъ-

³⁰ Е.Н. Ремчукова, *Креативный потенциал русской грамматики*, Москва 2005, с. 99.

езда *Волынского с женом*) вот и все служащие (из письма Маяковского). Вот как комментирует этот пример Ремчукова: «Мужской род может быть сатирически окрашен, указывая на некоторую “мужественность” описываемой женщины»³¹.

Хочешь такую зверю? (о мягкой игрушке), *А в Москве холодно, –20°С, настоящий зимний погод* (ведущий на радио «Максимум»). Приводя данные примеры, О.Л. Богатырева пишет: «<...>В этих примерах перенос по смежности (*игрушка* ж. р. — *зверя* ж. р., *мороз* м. р. — *погод* м. р. разрушает связь между лексическим и грамматическим значением, что сопровождается экспрессивным эффектом»³².

Представляется, однако, что причины замены рода здесь несколько иные. Окказионализм *зверя* употреблен не по аналогии с родовым наименованием *игрушка* (едва ли ребенку можно было бы сказать: **Хочешь такую автомобилью?* или **Хочешь такую подъемную крану?*), а потому, что речь идет о мягкой игрушке, т. е. о предмете, не обладающем ярко выраженной активностью, большими размерами и силой. В свою очередь, можно предположить, что окказионализм *погод* употреблен не по аналогии со словом *мороз*, а потому, что речь идет об очень низкой температуре, обладающей большой «силой».

Логично предположить, что стремлением экспрессивно выразить высокую степень уникальности, индивидуализированности, «самостоятельности», своего адресата объясняется и характерное для русской разговорной речи употребление так называемого «мужского экспрессивного». Вот что пишет об этом явлении Е. Земская:

В целях экспрессивности, для выражения ласки, нежности по отношению к лицам женского пола применяются формы мужского рода. Как кажется, такое употребление составляет характерную черту речи женщины и не свойственно мужчинам. Так, мать говорит дочери: Ты мой *маленький!* Ты мой *любимый!* Что мой *хороший!* Что плачешь?

В качестве прозвищ для женщин поэтому нередко избирается существительное муж. рода. В таких случаях согласование прилагательных, местоимений и глаголов (в форме прош. вр.) с прозвищем обычно бывает формальным. Так, о девушках, имеющих прозвища *Кролик*, *Пятачок*, *Пух* говорят: Кролик умный//; Кролик пришел//; Кролик сыночка родил//; Пятачок письмо прислал//; Пятак не звонил?; Пух уже защитил// Знаешь?

³¹ Е.Н. Ремчукова, указ. соч., с. 99.

³² О.Л. Богатырева, *Креативный потенциал категории рода в современном русском языке*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва 2008, с. 7.

В целях экспрессивности существительные жен. рода могут преобразовываться в узуальную форму муж. рода. Например: (женщина средних лет своей знакомой) Ты мой любимый друг//³³.

Подведем итоги.

1. С точки зрения современного языка грамматические значения рода у существительных, которые обозначают неживые предметы, а также таких животных, половая принадлежность которых неактуальна для человека, являются немотивированными.
2. Исторически подобные существительные получали грамматические значения рода на основе метафоры – сходства или несходства обозначаемых объектов с лицами мужского или женского пола. Эти метафоры основывались на представлениях разных народов о некоторых второстепенных признаках лиц разного пола, таких как отличие мужчин от женщин более высокой активностью, большими размерами, силой и самостоятельностью.
3. При образовании новых слов содержательные признаки, закрепленные за грамматическим значением присущего им рода, становились компонентом внутренней формы этих слов, т. е. такого комплекса содержательных признаков, который мотивирует их лексическое значение. Как и любая внутренняя форма, внутренняя форма, отражавшая гендерные признаки предмета, во-первых, носила субъективный характер, а во-вторых, со временем могла утрачиваться.
4. Вместе с тем некоторые слова современного русского языка сохранили свою родовую мотивированность. В их число входят: вопросительные местоимения *кто, что* и их дериваты, парные по роду существительные-синонимы, родовые варианты имен существительных, а также существительные-окказионализмы, используемые в речи, ориентированной на выразительность и креативность.

³³ Е.А. Земская (ред.), *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*, Москва 1983, с. 137. Заметим, что вопреки утверждению Е.А. Земской в исследовании Е.Н. Ремчуковой зафиксировано употребление «мужского экспрессивного» не только в женской, но и в мужской речи, а именно в письмах В. Ходасевича к Н. Берберовой (см. Е.Н. Ремчукова, указ. соч., с. 100–101).